

Михаил Зотин

ОККУЛЬТИСТ

Часть 1

Михаил Зотин
Оккультист. Часть 1

«Издательские решения»

Зотин М. С.

Оккультист. Часть 1 / М. С. Зотин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748278-7

Обычный человек, взявшись выполнить срочное задание начальства, внезапно оказывается втянут в череду странных и кровавых событий.

ISBN 978-5-44-748278-7

© Зотин М. С.
© Издательские решения

Оккультист

Часть 1

Михаил Сергеевич Зотин

© Михаил Сергеевич Зотин, 2019

ISBN 978-5-4474-8278-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Кажется, эти кошмары будут преследовать меня вечно. Я потерял все. Свою жену, свою работу и даже свой дом. Кажется, будто моя жизнь провалилась в какой-то невероятный, хаотический бред, когда я взялся за ту работу. Мой совет тем, кто найдет мои записи: избегайте темных, мрачных мест с таинственной и ужасной историей. Потому что от кошмара, в который вы нырнете, вас уже никому не спасти. Я постоянно нахожусь в бегах. Мне некуда идти и, к сожалению, я не имею возможности вернуться. Зло, преследующее меня и во сне и наяву, не дает мне остановиться и хорошенько все обдумать. Где-то глубоко внутри меня еще теплится надежда найти зацепку. Ниточку, что поможет распутать кошмарный клубок бреда, каким стала моя жизнь. Но пока все обстоятельства складываются сугубо против меня...

* * *

В районе М города Н стоял весьма приметный по своей внешности дом. По документам ему уже лет 400 и последние 50 из них в нем никто не живет. Однако занимал он местечко весьма привлекательное, в центре спального района. Так что на право организовать тут постройку зарилась уже не одна строительная кампания, но пока еще никто окончательно не затвердил свои претензии на занятую старым особняком территорию.

Другой причиной снести дом были скверные события и слухи. Якобы бездомные временами устраивают там свои оргии. Это подтверждалось пронзительными воплями и совершенно ненормальным хохотом, которые по ночам слышали жители соседних домов. В окнах нижнего этажа временами замечали свет, будто от костра, и пожарным уже несколько раз приходилось выезжать на настоящие возгорания. Тем не менее, дом, как будто притягивал разного рода маргинальный элемент.

Последние обстоятельства весьма беспокоили и местные власти, и заботливых родителей, дети которых весьма часто использовали дом в качестве игровой площадки. Разумеется, взрослые знали о том, что еще лет 8 назад вблизи дома пропали несколько ребятишек. Полиция, по просьбе родителей, провела зачистку ветхого строения, в результате которой пропавших детишек нашли. Только вот состояние их было таково, что близким пришлось изрядно раскошелиться на детских психиатров. Тогда и всплыл впервые вопрос о сносе. Но конкурентная борьба помешала. Многие строительные кампании начали дергать за ниточки в мэрии, стремясь оторвать себе этот примечательный кусок земли. Дело стало усиленно топтаться на месте и в итоге было отложено в долгий ящик. Но пару дней назад в неприятную историю с этим домом влипла дочка самого мэра, который, как оказалось, жил в том же квартале. Пришла она под утро, в изорванной одежде, синяках и ссадинах. Сколь-нибудь вразумительных объяснений от нее добиться не удалось, однако медицинская экспертиза установила банальную

попытку изнасилования. Дело осложнилось тем, что потерпевшая не могла описать гнусных мразей, решившихся на такое.

Лишь некоторое время спустя смогла рассказать, что поздно вечером торопилась домой и решила срезать дорогу, пройдя рядом с домом. Помнит, как что-то тяжелое мягко стукнуло ее по затылку, и она отключилась. Больше ничего внятного добиться от пострадавшей не удалось.

Естественно, ее отец осерчал, дал команду полиции, провести расследование, а сам принялся за свой аппарат. Выяснив личности всех ответственных за затягивание решения по сносу, мэр начал, что называется, рубить с плеча. Полетели головы одних, под другими загорелись стулья, и новый начальник администрации данного района, откликнувшись на праведный гнев главы города отдал приказ о немедленном начале работ по сносу.

Меня зовут Маркин Станислав Валентинович. Работаю оценщиком при администрации города. Сегодня, после утомительного рабочего дня я, наконец, добрался до этого строения, так как получил задание уже наутро предоставить документально оформленный оценочный список работ, необходимых для скорейшего сноса здания.

Это был поздний вечер. Погода стояла не по-летнему прохладная, хотя на вечернем небе были лишь небольшие облачка. Солнце, заходящее за горизонт, окрашивало их в восхитительные оранжево-багровые тона, и на этом фоне величественным и мрачным черным призраком вырисовывался старый трехэтажный особняк. Полицейское оцепление, впрочем, сильно смазывало романтическое впечатление, настраивая на деловой лад.

Проехав на машине к ближайшей стоянке, я поставил ее на свободное место (единственное, так что мне повезло). Прихватив камеру, мощный фонарь и планшет с блокнотом и ручкой, я пошел по направлению к дому. Навстречу мне вышел полицейский:

– Сержант Георгиев, – козырнул он, – Проход запрещен. Прошу предъявить документы.

Недолго думая, я вытащил из портфеля свой паспорт, удостоверение сотрудника оценочной службы и разрешительное письмо, заверенное, в том числе, и начальником полиции города Н.

Патрульный включил фонарь и некоторое время внимательно рассматривал документы. Потом достал мобильный, набрал чей-то номер (видимо, дежурного) и минут пять разговаривал. Похоже, выяснял некоторые непонятные ему моменты. Потом, убрав трубку, обернулся ко мне, протянул документы и устало произнес:

– Поздновато вы, господин оценщик.

Я невесело усмехнулся.

– Работа. Пока получил все документы, пока собрал подписи. Указание поступило только утром, а завтра уже работу сдавать.

– Мммда. – Сержант вздохнул. Его рабочий день тоже изменял свою длительность согласно приказам вышестоящего начальства, поэтому я решил, что он прекрасно меня понял. В этот момент к нему подошел напарник. Перекинувшись с ним парой слов, Георгиев повернулся ко мне:

– Получил распоряжение сопровождать вас. Вы же в курсе, что тут случилось?

– Ага, – кивнул я. – Поэтому мэрия и надавила на нас.

– Тогда давайте сделаем все побыстрее. Место вроде романтическое, но ото всех этих историй мне как-то не по себе.

– Не вопрос. – Мне тоже не терпелось разобраться со своей задачей. Дома ждала жена, ужин, спокойный и тихий вечер. Сержанту не пришлось меня торопить. Все, что мне было необходимо, я захватил еще перед тем, как уйти со стоянки. Ткнул кнопку на брелоке, поставив машину на сигнализацию, и кивнул Георгиеву:

– Начнем, пожалуй.

В первую очередь необходимо было осмотреть дом по периметру. Потом оценить толщину стен, и, зайдя вовнутрь, прикинуть состояние перекрытий и опорных конструкций зда-

ния. После этого, спуститься в подвал, если он есть, осмотреть фундамент. Возможно, паратройка несильных взрывных устройств, и дом аккуратно «сложится» без помощи экскаваторов и прочей строительной техники.

Первое, что поразило нас обоих на подходе к дому, это невероятная, почти физически ощутимая завеса тишины. Время было вечернее и дом, окрашенный кроваво-красными лучами заходящего солнца, казался мрачным призрачным замком, словно сошедшим с картины Александра Бенуа. Уж на что я зачерствецший реалист, но тут даже меня проняло. С момента последнего происшествия территорию непрерывно патрулировали. Запретную зону четко обозначили черно-желтой лентой. И она, как нарочно, ясно очерчивала ту незримую границу, за которой разом исчезали все звуки.

Тишина была такая плотная, что шуршание обуви по траве казалось оглушающе громким. Я оглянулся на сопровождавшего меня сержанта и понял, что ему тоже неуютно находиться перед этим странным памятником старины. Темнота подступала, но луч моего фонаря, почти призрачный от яркости, распорол густой мрак, выхватив из него овальный участок стены. Я водил лучом, из стороны в сторону. То тут, то там попадались неумелые буквы граффити. Иногда виднелись участки с отвалившейся штукатуркой. В иных местах были видны какие-то потеки (видимо оставшиеся после дождя).

Мы постепенно приближались к дому. У меня внутри холодело. Он и днем-то производил весьма отталкивающее впечатление, а уж в темноте, с участками стены, выхваченными светом, черными провалами окон с выбитыми стеклами, или вообще пустыми проемами, он выглядел совсем уж угнетающе.

«Если он снаружи таким кажется, страшно подумать, что творится внутри» – мысленно вздрогнул я.

– Ну и мерзость! – вдруг сказал сержант – Скорее бы его снесли нахрен. Можно было бы вздохнуть спокойно.

– Даже жаль, что у дома богатая история, – ответил я. – Что же в нем такого, что его перестали держать в нормальном состоянии...

– Вот уж без этой информации я точно не буду хуже спать. – сказал сержант тоном, показывающим крайнее нежелание развивать тему.

Плотная тишина снова окутала нас, прерываемая лишь шелестом травы под ногами. Дверь была заколочена мощными досками (высаживать бесполезно). Поэтому, мы решили обойти строение, в надежде что земля образует холмик возле одного из выбитых окон первого этажа. Иначе, как люди попадали внутрь?

Мы обогнули дом слева, двигаясь вдоль торца. Земля здесь действительно поднималась небольшим бугром, достаточно близко к окну. Удачно, что оно оказалось без рамы. Решив воспользоваться проторенным путем, я двинулся к окну. В этот момент, меня вдруг ослепил мощный световой поток. Оказалось, что у сержанта тоже был с собой фонарь, и теперь он светил им прямо в черную глотку оконного проема, наблюдая, как я забираюсь внутрь.

Стена, навскидку, была сантиметров 60. Скорее всего, каменная кладка, либо дерево. Достав из сумки монтировку, я попытался отбить кусок штукатурки. Попытка удалась великолепно и под толстым слоем обнаружилась добротная каменная кладка. Ммнда. Взрывать фундамент смысла не имеет. Дом придется разламывать. Судя по тому, как у нас строили в те времена, дело будет нелегкое. Я скovyрнул железкой образец раствора, который скреплял камни и решил сдать на экспертизу.

– Ну что вы там застряли? – окликнул меня Георгиев.

– Все в норме. Давайте за мной! – спокойно сказал я, и спрыгнул с подоконника на пол дома. Отошел от окна и впустил внутрь сержанта.

– Давай на «ты», – вдруг неожиданно сказал полицейский. – Выканья достают.

Наши мнения в этом вопросе сошлись радикальным образом, так что мы пожали друг другу руки и представились. Впрочем, мое имя он узнал еще из паспорта, а его самого звали Евгением. Впрочем, он попросил его называть либо Женька, либо Жэка (как ребята из его подразделения). Таким образом, к дальнейшему осмотру дома мы приступили, уже не особо церемонясь в друг с другом.

Как и ожидалось, изнутри дом был еще более угнетающим. Тяжкий спертый воздух словно был самой его сутью, потому что гулявшие по заваленным мусором коридорам сквозняки никакого влияния на него не оказывали.

Мощные лучи фонарей разрезали внутренний мрак дома, обнаруживая стены, обезображенные то следами деятельности бомжей, то просто копотью и сажой. На полу местами лежало битое стекло. Некоторые двери оказывались закрыты (вот уж странно). Мы не стали пытаться проникнуть в помещения за ними. В другие комнаты заглядывали осторожно, но не находили ничего, кроме пустых каменных коробок, соединенных проемами без дверей и заваленных всякой рухлядью.

Осторожно шагая дальше, мы, вскоре, вышли на центральную лестничную клетку. Как и во многих старых домах, она потрясала своим простором. Двери центрального входа сохранились в довольно плачевном состоянии. Освещая одну из стен, мы вдруг заметили на ней странные потёки. Почти бордовые в свете фонарей, они складывались в слово «граф». Я еще ничего не успел понять, как Евгений подошел к надписи и внимательно осмотрел ее. Потом как-то судорожно сглотнул и произнес сдавленным голосом:

– Хотел бы я, чтоб это была краска...

Подойдя ближе, я откровенно обрадовался, что был голоден. Правда я подумал, что надпись сделана кровью. Но нет же. Здесь в виде чернил использовались экскременты (что было еще более отвратительно). Я и сержант не сговариваясь сплюнули. Между тем, в комнате справа по коридору раздался какой-то шорох. Я вздрогнул, а Женька, побледнев слегка, вынул из кобуры пистолет. Шутки шутками, но...

Стараясь шагать, как можно тише, мы приблизились к остаткам двери, болтающимся на петлях, из-за которых, как нам казалось, и раздался этот подозрительный звук. У меня не нашлось возражений, когда полицейский жестом попросил меня отойти за его спину. Открывать дверь не было необходимости. Крадучись, мы вошли в квартиру. Там было пусто. Фонари выхватывали участки пола, обильно заваленные мусором, а, порой, и носящие следы чужих испражнений. Посреди единственной комнаты виднелся след от сравнительно свежего костровища. А на стене ее виднелась надпись «граф Аниксиев». И вот эта надпись была уже реально сделана кровью. Причем, кровь, возможно, принадлежала последней жертве обитателей этого проклятого места.

Шорох раздался снова. На сей раз за нашими спинами. Мы оба подпрыгнули на месте, разворачиваясь. Никого. Только где-то в темноте таяли отзвуки ехидных смешков, напоминавших детские.

– Неужели тут есть еще дети? – содрогнулся я.

– Вряд ли. – Сержанту тоже было не по себе.

Мысли о работе уже вылетели из головы. Темнота играла с нами несмешные шутки. Взмокшие, скорее от неожиданностей, чем от реального страха, мы последовали туда, где, предположительно, в последний раз слышали эти странные смешки. Там оказалась еще одна комната, скрытая дверью, на сей раз, уже совершенно целой. Абсолютно не церемонясь, мы высадили её плечами. Как ни странно, но это помещение, хоть и носившее следы неумолимого влияния времени, сохранилось относительно хорошо. Правда, на ветхие диваны и кресла коммунистических времен мы бы вряд ли сели, но выглядело все просто очень старым. Окна этой квартиры были заколочены. На сохранившемся деревянном стеллаже лежал ворох каких-то

книг. Женька, одев резиновые перчатки, осторожно перебрал их, и откидывал в сторону, признавая, как явно негодные для чтения.

– Смотри-ка, – вдруг сказал он, держа в руках старую тетрадь, подшитую суровыми нитками.

В свете фонарей мы прочитали первую запись: «Личный дневник председателя Н-ского исполкома, Слаутина В. И.». Шорох снова отвлек нас. Запаковав до поры тетрадь в полиэтилен, сержант сунул ее в сумку, и мы опять вышли в коридор. Видимо, среагировали достаточно быстро, так как впереди ясно слышались легкие торопливые шаги. Звук доносился от центральной лестничной клетки, так что мы не раздумывая бросились вперед.

Судя по звукам, кто-то поднимался по лестнице. Мы ринулись вверх, но третья ступенька (лестница была из толстых досок) неожиданно проломилась. Последнее, что мне удалось увидеть, перед тем, как я ударился о что-то твердое – это странное, искаженное непонятным выражением лицо с копной спутанных длинных волос, и тихий ехидный смешок, который это существо издавало. За тем затылок пронзила боль, и я отключился...

* * *

Когда я очнулся, было уже очень поздно. Сначала даже не понял, что открыл глаза. Плотная темнота давила со всех сторон. Голову саднило. Все тело болело. Кое-как шевелясь, я нащупал рукой фонарь. Наощупь, он казался целым. Наконец я щелкнул кнопкой фонаря и яркий луч разрезал темноту. Сразу же заболела голова. Мне пришлось прищуриться. Наконец глаза привыкли, и я осмотрел место, в котором находился. Это был какой-то подвал. Над головой зияла дыра.

Мы... Только сейчас я вспомнил о Женьке и, преодолевая боль, покрутил головой, пытаюсь его найти. Он лежал рядом, но не совсем на земле. Обломок деревянного бруса, торчавший из груди, говорил сам за себя. Я вспомнил ехидный смешок и странное лицо в проломе пола и встряхнул головой. Боль мгновенно прогнала это воспоминание. Поднявшись на четвереньки, подполз к телу сержанта и бесцеремонно обшарил. Все, что казалось мало-мальски полезным забирал с собой. Т. е. пистолет, пару обойм, рацию (на всякий пожарный, вдруг будет сигнал). Кроме этого, я забрал с собой его сумку, в которой лежал старый дневник.

Попытался встать. Каждое мое движение сопровождал приступ тошноты. Только и получилось, что сесть, опираясь спиной о стену... Тем не менее, необходимо было осмотреться. Трясущимися руками я освещал фонарем пространство, в котором находился. Это был не обычный погреб, не подвал, но и не просевшая почва. Подземелье, в которое я провалился, было чем-то вроде комнаты, искусно вырытой в фундаменте старого дома. Шансов выбраться наверх, похоже, не было (разве что найду приставную лестницу). Неожиданно луч, до этого освещавший колонны фундамента, земляные стены и потолок, провалился куда-то в темноту. Мерзкий туман в голове потихоньку рассеивался, поэтому я все-таки понял, что передо мной коридор. Вот только куда он ведет...

Надеясь найти там хоть какое-то подобие лестницы, я преодолел очередной приступ слабости и тошноты, навесил на себя всю амуницию, которую хотел забрать, и, опираясь на стену, кое-как встал на ноги. Силясь не рухнуть на подгибающиеся колени, я пошел вперед, одной рукой кое-как удерживая фонарь, а второй ошупывая стену. Так, двигаясь вдоль нее, стараясь не упасть, кое-как преодолел пару метров.

Неожиданно луч осветил стену недалеко впереди. Неужели тупик? Поводив лучом фонаря, я пришел к выводу, что коридор просто расходится в стороны. Не зная, что меня ждет впереди, добрался до развилки и повернул налево. Все так же держась за стену.

В этом повороте, в небольшой нише, оказалась деревянная дверь. Зачем она здесь, было непонятно. Тем не менее, я направился к ней. Подергал за ручку, надеясь, что дверь может быть

открыта. Короткий, громкий треск и ручка оказалась в моих руках. А на ее месте зияла изрядная дыра. Видимо, от сырости и времени, дверь сильно пострадала. Поморщившись от нового приступа, я пнул дверь ногой и проделал в ней еще дыру. Наконец я просто разбил эту старую трухлятину и зашел в небольшое странное помещение. Луч фонаря выхватывал из темноты то старый шкаф с разбитыми дверьми, забитый каким-то балахоноподобным рваньем, то непонятные треноги, служившие, видимо, подсвечниками, а то и вовсе голые стены, на которых виднелись нарисованные круги с пентаграммами и надписями, выполненными на непонятном языке. Я хотел заснять увиденное, однако, как оказалось, телефон пришел в негодность. Самый большой круг оказался у меня под ногами. В углах пентаграммы стояли какие-то сосуды. Толи обонятельные сенсоры включились с тот момент, толи я чуть больше пришел в себя, но внезапно я осознал, что в воздухе пахнет сыростью, плесенью и чем-то приторно-сладковатым. Источником запаха, похоже, и были сосуды. Из любопытства склонился над одним из них. От удушливой гнилостной вони желудок скрутило. Я едва успел отвернуться, как меня вырвало. Перед глазами скакали бледные круги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.